

*В память о моем любимом коте Чарльзе,
у которого была маленькая головка и длинный
хвост, гибкое тело, как у белки-летяги,
и разноцветные глаза. Каждую ночь он спал
у меня на подушке, а по утрам кусал меня,
чтобы его покормили. Котенком я носила его
в толстовке, а он, повзрослев, клал голову мне на
плечо. Он был моим идеальным котом, а я — его
человеком. Я буду вечно скучать по его объятиям.*

Глава первая

В детстве на вопрос взрослых, кем я хочу стать, когда вырасту, я давала самые разные безумные ответы. Учительнице я заявила, что хочу стать лежебокой, чтобы весь день валяться под пледом на диване. Матери своей лучшей подруги Эмили я говорила, что буду дегустировать печенье, потому что именно этим мечтала заниматься Эмили. А папе я как-то сказала, что хочу быть ножом, чтобы резать сэндвичи с жареным сыром на два красивых треугольника вместо четырех дурацких квадратиков, как всегда делал он. В ответ на мое заявление папа, разумеется, удивленно вскинул брови и принялся объяснять, что *девочка* — это живое существо, которое можно *порезать*, а нож — острый кусок стали, который *режет*. Но теперь, когда вдруг выяснилось, что большая часть моего детства была опутана ложью, я начинаю думать, что была права, выбирая нож в качестве будущей профессии, — потому что за последние несколько недель в Академии Абскондита я оказалась ближе, чем когда-либо, к тому, чтобы одновременно стать и ножом, и его жертвой.

Прикрыв за собой дверь лазарета, иду по пустому, освещенному факелами коридору. Опускаю рукав на перевязанную руку — медсестра положила мне на рану какое-то мощное снадобье, от которого пахнет сосновыми иголками и глиной. Она несколько раз повто-

рила, как мне повезло, что я выжила, упав с дерева во дворе, и чудом ничего себе не сломала. При этом часто цокала языком и говорила: «Вы, молодежь, слишком легкомысленно ко всему относитесь». Однако сомневаюсь, что она сочла бы меня такой уж *везучей*, если бы знала, что меня сбросили с дерева, потому что Семья Львов жаждет моей смерти.

Свернув за угол, оказываюсь в начале очередного пустого коридора, который полностью тонет во мраке. Факелы не горят. В одном из них едва тлеют догорающие угольки. Странно... Разве их не должны были заменить? И куда подевались все охранники Академии? Обычно они по одному дежурят в каждом коридоре. Резко останавливаюсь и с подозрением вглядываюсь в темноту — в голове мелькает мысль, не лучше ли вернуться в лазарет, но в эту минуту до слуха доносится слабый, похожий на бульканье звук.

Слегка наклонившись, напрягаю слух. Входить в темный коридор страшно — как будто темнота может меня укусить. На секунду повисает полная тишина, и я спрашиваю себя, уж не померещился ли мне тот звук. И тут тишину нарушает прерывистый кашель, и меня охватывает паника.

— Ноябрьер! — раздается придушенный голос. Я узнаю этот голос, и внутри все холодеет.

— Эш?! — кричу я.

Откинув все страхи и сомнения, бросаюсь в темноту.

Сапоги ритмично стучат по каменному полу. От быстрого бега перехватывает дыхание. Касаясь рукой стены, чтобы не упасть, я изо всех сил мчусь на исполненный страха голос Эша.

Впереди, по левую сторону коридора, замечаю узкую полоску света, проникающего из-под закры-

той двери, — и чем ближе я к ней, тем отчетливее слышатся звуки, напоминающие хрипы при удушье. В темноте хватаюсь за щеколду и всем своим весом наваливаюсь на тяжелую деревянную дверь. Скрипят, словно подвывая, старые петли, дверь открывается. Врываюсь в комнату и останавливаюсь так резко, что чуть не падаю с ног.

Тяжело дыша, я стараюсь унять бешеное сердцебиение. Передо мной огромная зала с каменными стенами и высоким сводчатым потолком. Почему-то в ней нет никакой мебели, кроме роскошного, похожего на трон кресла, которое стоит на возвышении возле дальней стены. Стены увешаны причудливыми портретами и богато вытканными гобеленами. Но отнюдь не архитектурные детали комнаты и не ее убранство так ошеломили меня, а... *трупы*.

Окидываю взглядом огромную залу и прижимаю руку ко рту, пытаюсь сдержать рвущийся наружу крик. Весь пол устлан телами людей с перекошенными от боли в последние минуты жизни лицами. Большинство из них мне незнакомы. Но потом в дальнем конце комнаты я замечаю Эша: он судорожно царапает себе горло, на губах выступила пена. Рядом лежит Лейла, а возле нее — Инес, Аарья и Маттео. Их распластанные на полу тела с неестественно изогнутыми спинами неподвижны, на горле алеют кровавые порезы. А перед ними, спиной ко мне, стоит высокий седой человек. Он смеется, долго и громко.

— Нет-нет-нет... — торопливо выдыхаю я.

В висках молотками стучит кровь. Я пробираюсь через мертвые тела, едва переставляя ноги из-за охватившего меня ужаса.

Лейла все еще держится за горло изящной рукой, как будто с трудом пытается сделать глоток воздуха,

но глаза ее закрыты, и она лежит совершенно неподвижно. Вскрикнув, я спотыкаюсь о чью-то руку и, потеряв равновесие, упираюсь ладонями в холодный каменный пол. Тут же резко выпрямляюсь. Смотрю в полные отчаяния глаза Эша. Он снова хрипит, давится и тянет ко мне руку.

Человек с седыми волосами сверху вниз смотрит на Эша, который из последних сил продолжает бороться за жизнь.

— Что вы с ними сделали? — кричу я, с трудом проглатывая вставший поперек горла ком.

Старик склоняется над Эшем, сжимая в руке маленькую синюю бутылочку. «Яд», — в ужасе думаю я и умоляю его остановиться, но слова путаются и превращаются в беспомощный невнятный всхлип.

— Хочешь сказать, *мы* сделали, Ноябрьер, — не оборачиваясь, отвечает старик — его голос похож на злобное урчание большой кошки.

Он подносит бутылочку к губам Эша, но Эш не смотрит на него. Его глаза прикованы к моей руке. Проследив за его взглядом, я замечаю у себя в руках такую же маленькую синюю бутылочку.

Старик вливает жидкость из своей бутылочки Эшу в рот, а я все кричу и кричу.

* * *

— Ноябрьер?

Я подскакиваю, неловко выбросив руки в стороны, чтобы удержать равновесие, и хватаю серую бархатную подушку. С губ срывается крик, сдавленный и жалкий.

Эш крепко держит меня за плечи, стараясь успокоить.

— Я не... — начинаю я, но тут же замолкаю. Все как в тумане, нервы напряжены до предела, а сердце коло-

тится так, будто я и в самом деле бежала по коридору к той страшной комнате.

— Посмотри вокруг, Новембер. Дыши, — спокойно говорит Эш, и я стараюсь ухватиться за его слова.

Бегло оглядываю комнату: вижу огонь в камине, столик для завтрака возле окна, бордовые светомаскировочные шторы и Эша — живого, сидящего рядом со мной на диване в гостиной наших с Лейлой апартаментов. Все выглядит как обычно, но ужас не отпускает. И хотя я не могу даже представить, что предшествовало жуткой картине, увиденной мною во сне, одно я знаю наверняка: во всем случившемся виновата я. Это единственное, в чем я уверена.

— Ты был... — хриплым, дрожащим голосом начинаю я. — И это я во всем... — Замолкаю, не в силах описать словами весь тот ужас, которому стала свидетелем. Все казалось таким реальным — реальнее не бывает...

Эш смотрит на меня с сочувствием, как будто прекрасно знает, что могло мне присниться. Делаю глубокий вдох и слегка расслабляю плечи. «Это был кошмар. Просто страшный сон. Все живы», — уговариваю я себя, но беспокойство, словно дурное послевкусие, никак не проходит.

— Даже не помню, как заснула, — говорю я, тру лицо руками и чувствую, что оно все покрыто испариной.

Эш разглядывает меня. Он отпустил мои плечи, но по-прежнему не отходит от меня. Его прямые черные волосы красиво спадают на виски, глаза внимательно смотрят из-под длинных ресниц. Хотя во время вчерашнего нападения ему тоже основательно досталось, выглядит он более спокойным и элегантным, чем я в свои лучшие дни. Чем дольше смотрю на него, тем ост-

рее чувствую свою вину. Может, это и был всего лишь кошмарный сон, однако вчера нам с Эшем на самом деле едва удалось остаться в живых — и все из-за меня.

— Я хотел отнести тебя на кровать, но боялся разбудить, — говорит он, но про кошмар ничего не спрашивает.

Как это ни странно, мне кажется, он не хочет лезть не в свое дело. Я понимаю, почему Стратеги хранят секреты своих Семей, но до сих пор не привыкла к тому, как они скрывают свою сущность и эмоции. Если бы моя лучшая подруга Эмили увидела, как я с криком в панике просыпаюсь — вот как сейчас, она бы не просто вытянула из меня все подробности, но еще и взялась бы их анализировать, и в конце концов вместе мы бы свели толкование кошмарного сна лишь к тому, что сегодня волосы у меня будут выглядеть не лучшим образом.

Бросаю взгляд на закрытую дверь в спальню Лейлы.

— Она легла спать час назад, — отвечает Эш на мой незаданный вопрос.

Снова смотрю на него, пытаюсь разгадать, что означает выражение тревоги на его лице.

— Но ты остался, — говорю я, чувствуя невероятное облегчение от того, что он не ушел.

Несмотря на непростое начало наших отношений, когда я только приехала в Академию Абскондители, и все мои подозрения и недомолвки между нами, я знаю, что могу на него положиться.

— Я задумался, — отвечает он с легкой улыбкой. Я не сомневаюсь в искренности его слов, однако еще больше я уверена, что это не единственная причина, по которой он проводит ночь, сидя рядом со мной на диване.

Будь на его месте любой другой парень и если бы мне только что не приснился самый ужасный кошмар

в моей жизни, я бы непременно съехидничала по поводу его явного желания подольше побыть со мной. Но, зная Эша, я не сомневаюсь, что у него на это была менее романтическая причина. Видимо, он хотел убедиться, что, пока я сплю, никто не пырнет меня ножом.

— О чем ты задумался? — спрашиваю я.

— Я размышлял о том, что мы не можем с уверенностью сказать, кто еще знает о твоём отце, — говорит Эш, без обиняков возвращая меня к моему семейному конфликту и тем самым снова нарушая слабое душевное равновесие, которое я только-только начала ощущать.

Наверное, я должна уже к этому привыкнуть. Разве в Академии ты когда-либо чувствуешь себя спокойно? В этой школе выживание доминирует над учебной, тщательно продуманные союзы важнее дружбы, и я испытала все это на собственной шкуре, когда узнала, что самая могущественная Семья Альянса Стратегов объявила вендетту моему папе. А еще выяснилось, что несколько учеников, а также профессор, оказавшийся братом моего отца, были готовы убить меня, чтобы продемонстрировать свою преданность влиятельной Семье.

— Разумеется, доктор Коннер *что-то* знал, — продолжает Эш, — но как обстоят дела с Семьей Львов в целом? Думаю, стоит предположить, что они охотятся за твоей семьей по какой-то конкретной причине, которую нам необходимо установить, если мы хотим разыскать твоего отца.

При упоминании о Львах перед глазами встают окровавленные тела из моего кошмара. На секунду отвожу взгляд. Меня снова захлестывает чувство вины из-за того, что я во все это втянула Эша. Я растираю глаза ребром ладони.

— Хочешь сказать, что Львы преследуют меня и папу не *только* из-за непослушания моих родителей в духе Ромео и Джульетты?

— Да, — говорит он. — Сама подумай. Твоя мать принадлежала к Семье Медведей, а отец был Львом. Двадцать пять лет назад они полюбили друг друга и решили покинуть свои Семьи, отречься от положения глав Семей и где-нибудь укрыться. — Он замолкает и мягко смотрит на меня. — А потом наемные убийцы Львов убили твою мать, когда тебе было... сколько?

— Шесть, — отвечаю я, ерзая на диване.

— То есть одиннадцать лет назад, — продолжает Эш. — Но за время между смертью матери и прошлым месяцем, когда убили твою тетку и отец отправил тебя сюда, вы получали какие-нибудь угрозы от Львов?

Я морщу лоб, роясь в детских воспоминаниях в поисках каких-либо моментов, когда папа казался бы обеспокоенным или подавленным, какого-либо намека на то, что Львы преследовали нас.

— Честно говоря, не думаю, — качаю головой я. — При малейшей угрозе папа непременно бы настоял на нашем отъезде из города. Конечно, после маминной смерти все стало по-другому, но, не считая этого, в целом мы были счастливы и жизнь казалась простой и легкой. — Я замолкаю, вдруг поймав себя на том, что говорю о *счастье* в прошедшем времени.

Эш кивает, как будто я подтвердила его подозрения.

— Видишь ли, менястораживают слишком большие промежутки времени между всеми этими событиями. Исчезновением твоих родителей, смертью твоей матери и недавним убийством тетки, — поясняет он.

Некоторое время в растерянности гляжу на него.

— Что ты имеешь в виду? Хочешь сказать, что все это время Львы не пытались нас найти?

— Я не утверждаю, что это невозможно, но подумай, каких колоссальных усилий и средств потребовали бы непрерывные поиски на протяжении целых двадцати пяти лет. Более вероятным мне представляется, что каждое нападение было результатом какого-то другого события, чего-то, что давало Львам информацию или хотя бы какую-нибудь подсказку о месте пребывания твоей семьи. Поправь меня, если ошибаюсь, но из наших прошлых бесед я заключил, что ты всю жизнь прожила в одном и том же городке, где-то в глубинке, и при этом никак не скрывалась, а, напротив, принимала живейшее участие в жизни местного общества. — Он ждет от меня возражений, но, поскольку я молчу, продолжает: — Не похоже, чтобы ты чувствовала себя как в осажденной крепости. Скорее ты была в *безопасности*.

Я грызу ноготь на большом пальце, пытаюсь найти изъян в его рассуждениях, но ничего не нахожу.

— Хорошо, допустим, ты прав, — отвечаю я. — Тогда как им удалось найти тетю Джо? Что изменилось?

— Именно это я и имею в виду — что-то изменилось. И думаю, причина имеет непосредственное отношение к тому, чем в данный момент занимается твой отец.

Я громко выдыхаю, опять начиная трястись от страха за папу. «По крайней мере, — говорю я себе, — доктора Коннера здесь больше нет, а я наконец могу покинуть Академию». Однако при мысли об этом к горлу подкатывает тошнота. Доктора Коннера не просто здесь нет — он *мертв*, и я имею к его смерти самое прямое отношение.